18+

Светлана Василькова

Бездомное счастье

Автобиографическое пронзительное повествование о жизни, её крутых виражах, смысле, счастье

Светлана Василькова

Бездомное счастье. Автобиографическое пронзительное повествование о жизни, её крутых виражах, смысле, счастье

«Издательские решения»

Василькова С.

Бездомное счастье. Автобиографическое пронзительное повествование о жизни, её крутых виражах, смысле, счастье / С. Василькова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852597-1

…Потом был последний костёр. Никогда мне не пелось так легко, никогда так ярко не горели звёзды на небе! Подумалось: хорошо, что меня муж бросил, иначе я бы себе такого никогда не позволила, и не узнала… Что же такое счастье, где его дом?

ISBN 978-5-44-852597-1

© Василькова С.
© Издательские решения

Бездомное счастье Автобиографическое пронзительное повествование о жизни, её крутых виражах, смысле, счастье

Светлана Василькова

Светлой памяти родителей посвящается.

© Светлана Василькова, 2018

ISBN 978-5-4485-2597-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сядьте удобнее, расслабьтесь, закройте глаза и мысленно перенеситесь в дом, где вы были счастливы…

Мысль о счастье была горькой, потому что лишний раз напоминала об его отсутствии. Я закрыла глаза, заранее настроившись на неудачу. Вскоре мои губы стали растягиваться в победной улыбке, как у человека, нашедшего решение трудной задачи. Счастье родом из детства! Нет ни одного человека, не вспоминавшего с особой теплотой свои детские годы.

Дом детства… родительский дом. Бревенчатый, под соломенной крышей, с белыми ставнями в сад. Комната, кухня да дощатые сени.

Длинная узкая печка для обогрева отделяла широкую, с пружинами, множеством блестящих шариков на никелированных спинках, кровать родителей от детских палатей. Топили печку по вечерам, ставя небольшой чугунок с картошкой для ужина. Была на ней лежанка, но такая узкая, что использовалась лишь для сушки валенок и промокшей одежды, если не считать, что являлась законным местом кошки Муськи.

Спальные места закрывались занавесками, легко скользящими по проволоке на деревянных катушках. Для чего было истрачено столько ниток, чтоб освободить эти катушки, осталось загадкой.

Центральную часть оставшейся половины комнаты занимал круглый стол, за которым, под жёлтым абажуром с кистями, собиралась по вечерам вся семья. Каждый занимался своим делом: отец читал газету, мать проверяла тетради, мы тоже находили себе какое-нибудь бесшумное дело.

Краешком к столу примыкал «горбатый» диван с полукруглым жестким сидением, полукруглой спинкой, которая, казалось, старается столкнуть и так постоянно съезжающего с сидения. И только большие валики по бокам доставляли удовольствие забраться на них верхом.

В красном углу стояла этажерка с книгами, на ней красовалась радиола «Рекорд», покрытая белой ажурной салфеткой. Сверху, вместо иконы, висели портреты отца и матери в деревянных рамах.

В другом углу стоял белесый шкаф с одеждой и коробкой маминых туфель, которые я примеряла при всяком удобном случае.

На стене тикали ходики с маятником, цепями, гирями и циферблатом прямо на нарисованных медведях в лесу.

Пол был застелён самотканными длинными половиками, похожими на тряпочную летопись, потому что состояли из узнаваемых лоскутков когда-то любимой одежды.

Большую часть кухни занимала русская печь. Когда в ней полыхал

огонь, готовилась в огромных чугунах еда для поросёнка. Потом уже завтрак для себя и сразу обед, дожидавшийся в печи своего часа. Чтоб испечь хлеб, недогоревшие угли выгребались в открывавшееся отверстие плиты, служившей одновременно припечком. Хлебу, чтоб испечься, достаточно было тепла нагретых кирпичей.

Самое лучшее место было на печке. Спали там редко, если только кто заболевал. Обычно, это была зимняя игровая для детей. Там же хранились сухофрукты, ягоды, семечки и смолистые лучины для растопки печи. Запах лучин напоминал вовсе не лес, а домашний очаг.

Охранял дом огромный пёс по кличке Пароль. На ночь отец отстёгивал его от тяжёлой цепи, но и тогда он оставался на страже. Однажды зимой, привлечённые запахом свежатины, к дому пожаловали волки. Завязался неравный бой. Грозный голос выбежавшего из дома отца обратил серых в бегство. Пароль был сильно изранен, но папка его вылечил, не зря же он ветеринарный доктор.

Был и смешной случай, связанный с Паролем. Летом, когда жарко и душно, кроме форточки, держали открытым окно. Подкатив валун со стороны улицы, и поставив табурет изнутри, я приспособила окно, как ближайший удобный выход из дома. Использовался он иногда и ночью, когда нужно было по-маленькому, но совсем не хотелось пробираться до сеней.

Обычно такая необходимость появлялась уже под утро, и на улице было гораздо светлее, чем в доме. Да и бояться непонятных тёмных силуэтов на улице было не так позорно, как в доме.

Взобравшись на подоконник, я обнаружила, что прошёл дождь. Представив грязь на ногах и холодные капли с листвы на рубашке, решила отступить. Или может всё же попробовать, не ступая на землю, изловчиться…

В это время проснулся отец и, заметив непонятный силуэт в окне, подумал, что это Пароль хочет переждать непогоду в доме.

– Назад, Пароль, на место!

Я же решила, если отец так говорит, Пароль в доме и, не раздумывая, бросится в окно, выполнять команду.

А-а-а-а-а!

Все проснулись. Разобравшись, в чём дело, начали дружно смеяться. Я тоже смеялась, сквозь слёзы.

Был ещё смешной случай, с курами. Нас с братом частенько оставляли дома одних. Мы спокойно играли в разные игры.

Однажды мы вынуждены были прервать наше занятие, услышав, как кто-то скребётся в углу. Это повторялось всё чаще и громче. Кто может скрести в доме? – Мыши. Но так сильно скрести могут только очень большие мыши. Нужно было занимать оборону, неизвестно, чего они хотят.

Дав брату школьную линейку, себе взяла толстую, метровую. В случае нападения, будем отбиваться. Усевшись на диван, мы устремили свои взгляды в угол, откуда доносился странный шум, и начали ждать, держа наготове линейки.

Прошла вечность, пока не послышался скрип открываемой двери.

– Кто это дверь… – не закончил начатую фразу отец, заметив неладное.

– Спасены… – слёзы хлынули ручьём, я рыдала, не в силах ничего произнести. Забравшись к отцу на руки, Эдик сам начал лепетать, что мы хотели линейками бить больших мышей, которые сильно скреблись.

– Да это же куры! Кто-то плохо закрыл дверь, и куры через сени по лестнице забрались на чердак. Там хранились остатки зерна. Вот они и скребли по своей птичьей привычке по дну короба, добывая еду, – объяснил всё отец.

В этот раз никто не смеялся, хотя случай смешной.

***

Любимым местом для игр на улице были развалины. Совсем недалеко от дома стояла разрушенная церковь. Место довольно оживлённое, потому что там добывались кирпичи для любого строительства в деревне. Воронки от снарядов или уже рукотворные ямы осваивались детворой. Ямы обустраивались, украшались, и становились домом. Тут всё состояло из кирпичей: стол, стулья, кровать. И только букет цветов на кирпичном подоконнике был настоящим. Именно он помогал воображению хоть ненадолго давать вторую жизнь мёртвым обломкам.

У нас в огороде были свои развалины. На этом месте раньше стояла аптека. Здесь мы не играли, а помогали. Каждую весну остатки кирпичей складывали в кучи и вывозили на повозке. Мусор просто в тачке вывозили в заболоченное место к реке и высыпали на дорогу, по которой потом можно было проехать на телеге.

Иногда нам удавалось находить клады – множество запечатанных бутылочек. Долго наслаждаться этим богатством не получалось, клады бесследно исчезали. Отец объяснял это, не вдаваясь в подробности, одной фразой: как пришло, так и ушло.

Чтобы использовать непригодное для посевов место, отец там построил баню, поставил несколько ульев с пчёлами. Топили баню по субботам. Чтоб нагреть бочку воды, в неё опускали раскалённые в печке до красноты железяки. Речная вода для головы грелась отдельно в чугунах. Парились и мылись в одном отделении, особенно зимой. В предбаннике хранились улья с пчёлами. Обманутые теплом, пчёлы начинали усиленно гудеть, некоторые вылетали на разведку. Так мы и мылись вместе с пчёлами, единые развалины примиряли.

Однажды я забрела на развалины, находившиеся довольно далеко от дома. Не жалея и так незаживающих от ссадин коленок, привычно забралась на груду обломков кирпичей, чтоб заглянуть в яму. Там были люди в одинаковой одежде и касках. В мозгу пронеслась страшная догадка: немцы! Весь путь до дома я проползла по-пластунски по канаве вдоль высокой насыпи шоссе, боясь приподнять голову.

– Мама! Там немцы!

***

Шли мирные годы, а о войне говорилось много. В клубе шли

фильмы о войне, дома рассказывали о войне вместо сказки перед сном.

Запомнился рассказ матери, как их впервые обнаружили немцы в земляном убежище и приказали выходить с поднятыми руками, иначе будут стрелять. Чтобы выполнить это требование, из землянки пришлось выползать, стоя на коленях. Стояла страшная тишина, не заплакал ни один ребёнок, и даже годовалые детки, глядя на взрослых, стали на коленочки.

Сильнее страха оказалось удивление, что враги внешне похожи на обычных людей, а не на запомнившихся с детства по картинкам из учебника истории, чудовищ с дырявыми железными вёдрами вместо головы.

Извлекли, значит, урок из истории – явились налегке. Только вряд ли вам это поможет.

Жить разрешили в своих домах, но каждый день велели выходить на работу, восстанавливать шоссейную дорогу.

Работа оказалась нескончаемой, потому что ночью партизаны немцев выбивали, а дорогу взрывали. Приходила новая немецкая часть и возобновляла работы, только теперь по ночам они стали укрываться в церкви.

Пленные на тачках возили песок и щебень в образовавшиеся ямы. Однажды, не справившись с тяжёлой тачкой на подъёме, мама попятилась назад и угодила ногой под колесо тачки, ехавшей сзади. За ней появился кровавый след.

Заметив кровь, немец предложил ей пройти с ним, чтоб перевязать рану. Мать, не поверив, что враг способен проявить жалость и оказать помощь, отказалась. Он разозлился и стал преследовать её, приказывая накладывать в тачку больше.

Неизвестно, чем бы это закончилось, если бы другой немец не попросил помощника на машину, рассыпающую щебень, указав на мать. Ничего особенного там делать не нужно было, таким способом он разрядил сложившуюся ситуацию и, возможно, спас маме жизнь.

Отец рассказывал о тяжёлых ночных передислокациях. Измотанные боями солдаты шли из последних сил. Некоторые засыпали на ходу, потому что не спали, случалось, по двое суток. Кто падал, и не был вовремя подхвачен, рисковал быть раздавленным идущей сзади тяжёлой техникой. Такой случай отцу довелось увидеть собственными глазами. Готовность умереть в жестоком бою сменял страх нелепой, напрасной смерти.

В конце 1943 года отец получил ранение, осколком ему оторвало большую часть стопы. Рана долго не заживала, но все называли такое ранение счастливым. Ничего, что с палочкой, зато есть надежда остаться в живых.

По ночам даже мне, родившейся спустя два года после победы, снились сны о войне. Деревню занимали немцы, я надёжно пряталась под мощными, как никогда, листами на огуречной грядке, но меня находили. Нужно было правдиво сыграть покорную простушку, чтоб не догадались, что перед ними непримиримый борец.

***

Роли во сне появились из-за привязанности к театру наяву. Научившись писать, я начала сочинять пьесы, разыгрывая их потом с детворой. Содержание почти всегда сводилось к одному: королева – мать поучает своих слуг жизненным премудростям. Значимость героини определялась необычностью её имени. Запомнилось имя, занимавшее почти всю строчку первой тетрадки первоклассника, – Васэндасэна. Другие актёры не были против того, что это имя я взяла себе, должны же быть у автора какие-нибудь привилегии.

Настоящее имя у меня прекрасное. Могли бы назвать Капитолиной, и звали бы все не Ка'пой, а обзывали капо'й, то есть копной, сена, соломы,… чего придумают.

Правда, прозвище мне всё-таки дали: «Ладка у смятане», что означает – Оладья в сметане. Созвучно, конечно, Светлане. Неприятно, когда тебя обзывают изделием из теста. Но сметана меняла всё, потому что нет ничего вкуснее деревенской сметаны. Видимо, это почувствовали и другие, кличка

не прижилась. Так называл меня всегда только один мальчик. Я не придумала ничего равноценного в ответ. Остался он в памяти как « Мамин ученик».

Другой мамин ученик передавал через меня претензии своей учительнице, что она поссорила его со всем классом. Учёба Петьке не давалась, ходил он в школу повеселиться, срывая уроки. Ни угол, ни вывод в коридор результатов не давали. Тогда мать рассказала детям про бочку, которая сильно гремит, когда её везут пустую. Пример был жизненный, потому что все видели, как в металлической бочке в летнее время возили питьевую воду работающим в поле.

Так и человек, когда у него в голове пусто, сильно шумит.

Все быстро сообразили, и, всякий раз, когда Петька начинал выступать, в его сторону раздавался громкий шёпот: пустая бочка, пустая бочка.

Иногда мне мама доверяла проверку тетрадей, и я была счастлива восстановить справедливость. Мать считала, что пятёрки нужно ставить грамотным и сообразительным, а не тем, кто просто чисто написал домашнее задание.

Теперь можно и нужно стараться хорошо учиться. Она вспоминала, как приходилось учиться ей.

***

В положенный срок в школу её не пустили. Нужно было кому-то смотреть за младшим братом и гусями, пока все остальные с утра до вечера были заняты уборкой урожая. Мать уговаривала брата оставаться одному, оставляя ему на полу еду и игрушки, подгоняла гусей к школе, и приходила на уроки. Всё необходимое для учёбы ей давал учитель. После школы

она успевала сделать в доме уборку, отмыть брата, пригнать домой гусей. Целый месяц никто из домашних не замечал её отлучек.

Однажды на уроке труда, проходившем на улице, учитель заметил, что девочка легко одета, мёрзнет, и одел её в свою кожаную куртку. Ребятам это не понравилось. Улучив момент, они изваляли девчонку в куртке учителя в грязи.

Пережить этот случай мать не смогла и в школу больше не пошла.

Вечером к ним домой пришёл учитель и убедил родителей отпускать дочь в школу.

Мама благополучно закончила семь классов и поступила в педагогическое училище. Жила на квартире. Через две недели, в субботу после занятий она шла пятнадцать километров домой, а в воскресенье – обратно, с запасом еды. Зимой родители старались любыми путями ей продукты передавать. Так она закончила учёбу в училище и стала учителем младших классов.

***

После таких рассказов просто хорошо учиться казалось недостаточным, хотелось что-то совершать. Когда одноклассница Таська предложила составить ей компанию по добыче щавеля, я с удовольствием согласилась, как и ещё две её подруги.

Была ранняя весна, луг был под водой. Добыть щавель можно было, только переплыв Днепр, на другом его крутом берегу.

Таська легко управляла лодкой. Перевозила по одному человеку, потому что поплыли на маленькой рыбацкой лодке, прозванной в народе «душегубкой».

Щавеля оказалось много. Оставалось только доставить добычу домой.

Сделав ходку, Таська сказала, чтоб садились вдвоём, устала. Лодка заметно просела. Доплыв до середины реки, она вдруг перестала слушаться, развернулась и понеслась по течению. Мы сидели, свернувшись клубком, боясь пошевелиться. Таська присутствия духа не теряла, вовсе перестав грести, – на повороте выскочим.

Вот уже и поворот. Таська изо всех сил пытается повернуть лодку, и нас уже боком несёт на шест среди водной глади. Мгновенно вспомнилось, как у шеста утонул младший брат моей подруги. Шестом обозначали опасные места на реке – водовороты. Надо попробовать ухватиться за него!

Одного лишь движения руки было достаточно, чтоб лодка потеряла равновесие и перевернулась. Все оказались в холодной воде, доходившей до подмышек. Таська призывала держать лодку, но та всё равно утонула. К нашему счастью этим шестом был обозначен берег, дальше шёл разлив.

Мы стали пробираться в сторону суши. Пальто, сапоги, остальная одежда – всё стало пудовым. Мы медленно двигались, держа высоко над головой узелки со щавелем.

В деревне заметили наше крушение и плыли на помощь. Таська упросила всех пойти к ней, а то батька убьёт за лодку.

Мы развесили мокрую одежду по всему двору, а сами уселись греться под солнышком на кучу наколотых дров. Благо, день выдался тёплый.

Ждать долго не пришлось. Отец Таськи работал недалеко от дома и был уже в курсе случившегося.

Вопреки ожиданиям, он не стал ругать Таську за лодку, а набросился на нас всех.

– Ну што, чацвёрка адважных, (такую вашу мать),…цячэннем их знесла….

Уже несколько дней по радио только и говорили о спасённых моряках, унесённых в море. Четвёрка отважных… Зиганшин… ели кожу ремней и сапог, чтоб не умереть с голоду… спасены…»

– Што бы я потым вашым маткам гаварыу… – он махнул рукой и ушёл.

Вернувшись домой, я спрятала мокрую одежду, развесив её за домом на заборе, легла в постель и моментально уснула.

– Ты не заболела, доченька? – разбудила меня своим вопросом мать.

– Нет.

– Тогда, что случилось?

– Боюсь рассказывать.

– Да говори же, скорее, – почти прокричала мать каким-то визгливым голосом.

Я рассказала, как хотела порадовать.

– Ты хоть понимаешь, что вы могли утонуть? – тихо спросила мать.

До сих пор страх за провинность всё заслонял. Только теперь стало понятным, о чём говорил Таськин отец.

Я так и не научилась плавать, стоило мне только войти в воду, начинала кружиться голова.

***

Порадовать маму мне всё-таки удалось. Я сама, впервые, подоила корову! Много раз я видела, как это делается, знала технологию доения, пробовала даже недолго это делать.

Проснувшись рано утром, я заметила, что родителей нет. Они уехали в гости и ещё не вернулись. Время шестой час, а корова не доена. Решила действовать сама, потому что летом гонят коров на пастбище очень рано.

У меня всё получалось, но сильно уставали руки, их просто невозможно было держать на весу. Вернувшиеся родители встретили меня счастливую, с ведром, наполовину заполненным молоком.

***

Особенное удовольствие мне доставляло наблюдать за пением отца и

дяди Ивана. У братьев всегда находился повод выпить по сто грамм и запеть. Пели замечательно, добиваясь многоголосного звучания.

Ревела буря, дождь шумел,

Во мраке молнии блистали,

И беспрерывно гром гремел,

И ветры в дебрях бушевали.

После окончания очередной песни была двухминутная молчаливая пауза. Потом один из них затягивал новую: «Отец мой был природный пахарь», другой подхватывал: « А я работал вместе с ним».

Глядя друг на друга, не замечая ничего вокруг, они полностью отдавались песне. Окрашенное какой-то особой душевностью, их пение завораживало, делало сопричастным.

Дядя Иван пел самозабвенно, всячески жестикулируя руками, постоянно меняя мимику лица и движения головы в такт песни. Такого яркого исполнения я больше не видела нигде и никогда.

***

Отец всё чаще свою любовь к пению стал демонстрировать, возвращаясь домой из закусочной. Мать ругала его, а он искренне не понимал за что. Ни одной копейки он не пропил, просто люди, которым он делал добро, старались его отблагодарить. Все, державшие скотину, обращались к нему за помощью в любое время суток, как ветеринару. Такая помощь в его обязанности не входила, была добровольной, но он никогда и никому не отказал. Не принять благодарность означало обидеть. Такой вот замкнутый круг получался. Потом его избрали председателем колхоза, число благодарных односельчан увеличилось.

Мать не выдержала, в доме разразился скандал.

– Какой ты руководитель?! Позоришь себя и меня. Если это не прекратится, я с тобой разведусь.

Для большей весомости своих слов, желая посильнее его упрекнуть, она, глядя на меня, задала риторический вопрос: «А детям, каково выбирать, с кем жить?»

Я приняла этот вопрос слишком реально. Понятно, что отец не прав, но уж очень жалко с ним расставаться.

Этот вопрос стал моим детским кошмаром. Родители давно помирились, всё нормализовалось. Я же, при всяком удобном случае, уединялась и плакала, выбирая с кем жить. Этот надуманный выбор, я думаю, был просто внутренней потребностью постоянных доказательств любви к обоим родителям.

***

Кроме младшего брата Эдика у меня была ещё старшая сестра, сводная. Рая жила отстранённо, своей жизнью, никого не замечая из нас.

Уже повзрослевшей, мать рассказала мне её историю и обстоятельства своего замужества.

Мать Раи умерла вскоре после войны от туберкулёза. Родственники прилагали усилия, чтоб женить отца на младшей сестре умершей. Он же влюбился в маму, подругу предполагаемой невесты. Обиженные родственники, желая спасти девочку от мачехи, постоянно настраивали её против матери. Рая старалась не только демонстративно вредничать, но и грубить.

Однажды это произошло на глазах у отца, и он шлёпнул её по мягкому месту. Рая расплакалась, убежала к бабушке.

Родственники забрали её к себе, а с нею всё, что было в доме, оставив матрац, который отец покупал, и скамейку, которую сделал сам.

Потом, через суд, отец вернул Раю домой. Стать для неё родной, маме так и не удалось. Рая ухитрялась, как можно меньше времени проводить дома, сбегая то к бабушке, то к подругам. Она всё ещё воспринимала мать, как захватчицу, пытавшуюся отнять у неё самое дорогое из оставшегося – отца.

Когда Рая, закончив учёбу в школе, не поступила в институт, отец прописал её в Минске, снял для неё комнату, устроил на работу.

***

Я только один раз покидала дом, когда с отцом ездила на его малую родину, к дедушке. Мать ехать отказалась, а почему так поступила, рассказала гораздо позже.

Накануне свадьбы, чтоб не нарушать традиций, они с отцом поехали к его родителям на смотрины. Когда отец убедился, что она всем понравилась, сказал очень странную фразу: « Ну и чем она хуже нас?»

Оказывается, деревня была разделена на две, не дружившие между собой, части. На одной стороне жили зажиточные потомки польских шляхтичей, на другой – безродные мужики-бедняки. Мать относилась ко вторым. Со временем всё изменилось, но мать принципиально не хотела там больше появляться.

Братья отца приезжали к нам с периодичностью два-три года, окончив школу и отслужив в армии. Под патронажем старшего брата они устраивались на работу, обзаводились женой и домом в нашей деревне или ближайших посёлках.

Наступил черёд четвёртого брата. Отужинав за праздничным столом, все стали укладываться спать, а дядя Володя отправился в клуб. Место для отдыха ему определили с Эдиком, а мне – на горбатом диване. В печке с плитой ещё вовсю горел огонь, потому что торфа положили больше обычного, поэтому закрыть заслонку камина поручили Володе после возвращения из клуба.

Спать на диване было также неудобно, как и сидеть. Я долго ворочалась, слышала, как вернулся дядя Володя и засопел на, теперь уже бывшем, моём месте. Я же никак не могла уснуть. Сквозь дрёму, я услышала, как заплакал Эдик и попросил пить.

– И мне, – пробормотала я.

Сделав несколько глотков, как будто куда-то провалилась, уронив кружку. Очнулась от холодных брызг.

Отец бросился к печке. Сквозь золу, подёрнутую пеплом, предательски пробивался голубой огонёк.

– Всем одеваться, на улицу!

Одеться я не смогла, вновь потеряв сознание. Вытащили меня на улицу, завернув в одеяло. Позвали фельдшера. От угарного газа я пострадала больше всех, может быть, потому что была ближе всех к приоткрытой из кухни двери.

На сей раз, я была благодарна горбатому дивану, не дававшему мне крепко уснуть. Выходит, он спас меня.

Спустя три года я рассталась с родным домом, а вместе с ним и с детством.

Столько хорошего и радостного было в детстве, а память сохранила только светлый, неповторимый фон этого периода, сосредоточившись на запоминании деталей различных потрясений.

***

Намечалась реформа школьного образования. Сроки обучения увеличивались в связи с решением давать уже в школе ученикам профессии. Видеть во мне будущего животновода или полевода родителям не хотелось. После окончания шестого класса меня отправили учиться в Минск ещё и для того, чтоб я с обучения на белорусском языке перешла на русский, увеличив тем самым шансы поступления в ВУЗ.

Жили мы с Раей. Она окружила меня материнской заботой, в которой в тринадцать лет я ещё нуждалась. А вот дом встретил неприветливо. Месту жительства у знакомых Рая предпочла независимость, сменив квартиру. Принадлежал дом двум сёстрам. Одна из них две свои комнаты сдавала квартирантам. В первой, большой, жили мы, во второй – девушка-студентка.

Хозяйка другой половины дома была уже в возрасте, и не совсем адекватной. С нами она не общалась, хотя мы проходили к себе через её комнату. Лишь иногда слышался её демонический хохот, когда ей удавалось вычитать в газете о каком-нибудь бардаке в стране. Тогда она приоткрывала шторку, ища слушателя, и радостно сообщала, с брызгами изо рта, о творящихся безобразиях.

***

Утро первого сентября. Я нежусь в постели, воображая, как приду в новую школу, незнакомый класс. Рая сладко спит рядом после ночной смены. Из бабкиной комнаты доносится какое-то бесконечное шуршание.

Вдруг занавеска зашевелилась и отодвинулась. Через нашу комнату, согнувшись, прошмыгнул какой-то человек. Кричать было опасно, я тихонько начала толкать сестру, шепча: «там дядька». Спросонья, она ничего не понимала.

Через минуту чужак вылетел из комнаты, уже не прячась. Тут я криком подняла Раю с постели. Накинув халаты, мы пустились преследовать неизвестного, выбежав во двор, потом за сарай в огород. Нигде, никого.

Когда возвращались, увидели, как закрылась входная дверь. На всякий случай мы закрыли дверь снаружи болтавшимся тут же замком, а сами стали заглядывать в окна. Успокоились, увидев бабку.

Она сначала раскричалась, подумав, что это я перевернула зачем-то всё в её комнатах. Окончательно всё прояснилось по возвращении студентки – пропал чемодан с вещами. Вызванная милиция только разводила руками, ничего не обещая.

Начавшись с такого потрясения, первый день в школе прошёл хорошо. У меня появились две закадычные подружки. Сравнительно легко я перешла на русский язык, надо мной даже не смеялись, когда случались затруднения. Закончила школьный год без троек.

***

Раина подруга Зойка, активно принимавшая участие в моём воспитании, предложила попробовать поступать в техникум. Выбрали – политехнический, и новое отделение – фототехника.

Я поступила. Всем мест в общежитии не хватило, нас временно разместили на первом этаже общежития политехнического института. Жилось весело, в комнате по пять человек. Без приключения и тут не обошлось.

Просыпаюсь под утро и вижу прямо перед собой мужчину, который возится с брюками, пытаясь их толи застегнуть, толи расстегнуть. И тишина… Я предпочла притвориться спящей.

– Девочки! Дядька! – послышался вдруг дикий крик моей соседки. Все вскочили со своих мест и замерли.

– Включайте свет, зовите дежурную.

Мужчина, ни слова не говоря, не спеша, почти перешагнув остолбеневшую Ларису, выпрыгнул в окно.

Привлечённые шумом к нам начали заглядывать девчонки из соседних комнат.

– Ничего не пропало?

Мы опомнились и начали осматривать свои тумбочки и вещи. Не было ни одной тумбочки, откуда бы ничего не пропало. У меня не оказалось документов. Опять пропал чемодан с вещами.

Все были в недоумении. Выходит, он тут всю ночь находился, успел всё унести и вернуться.

– Он опять под окном, пришёл за оставленными ботинками, – крикнул кто-то, – все вместе мы его поймаем.

Своими воплями мы разбудили всё общежитие. Выглядывающие из окон всех пяти этажей студенты, увидели ватагу полуодетых девчонок и замыкающую бабку – вахтёршу с метлой наперевес, бегущими за мужчиной.

Нам повезло, навстречу шёл милицейский патруль, который и перехватил убегающего вора. Не пришлось даже рассказывать, что случилось. Вор сразу предложил показать, куда спрятал похищенное, и повёл всех к мусорному ящику у кинотеатра «Зорька». Чемодан и мужчину забрали в отделение милиции, нам сказали, что вызовут повесткой.

Вернули нам всё, кроме одной вещи, о которой сразу не вспомнили. Речь идёт о брюках, взятых у подруги поносить. Вор решил их примерить, одев потом поверх этих, свои брюки. Именно за этим занятием его и застали.

Не успели улечься эти страсти, как мне пришла ещё одна повестка. Наш старый знакомый попался на новом деле и сознался в первом воровстве.

Рая рассказывала, как проводился следственный эксперимент. Знакомая ситуация: открытая дверь и спящая сестра после ночной смены.

– Просыпаюсь, – полная комната мужчин, большинство в милицейской форме. Один из них, в гражданской одежде, начал говорить.

– Да, я здесь проходил в другую комнату, она – так же спала.

Обернувшись к Рае, он позволил себе пошутить – В следующий раз, будешь так спать, и тебя украду.

Получив лёгкий толчок в спину, вор вышел в сопровождении нашей доблестной милиции.

***

С учёбой я справлялась, приучив себя всё конспектировать. Кроме школьной программы, нам давали основы высшей математики, сопромат, детали машин, желая, видимо, оправдать название технический. По специальности изучали все виды фотосъёмки.

Отправив в большой город, мать волновалась за меня, и старалась в письмах подстраховать от ошибок. Девчонкам это казалось смешным: несколько строчек, что дома всё нормально,

и пословица, типа «Береги честь смолоду». Увидев меня с письмом, они шутливо требовали огласить очередную пословицу.

Я впервые влюбилась. Он поступил в техникум после окончания школы, сразу на третий курс. Принесла мне эта любовь страдания. К себе я отношусь критично, и понимала, что такой парень никогда не обратит на меня внимание. Высокий красавец с огромными карими глазами и обаятельной улыбкой, вращался в элитном обществе себе подобных. В него входила лишь одна девчонка из нашей группы, очаровательная Лора.

Однажды я ей призналась и попросила дать мне фотографию Вити.

– Мне она тоже нравится.

Тогда я завладела фотографией фактически в драке. – Ты его видишь и так каждый день, в крайнем случае, можешь ещё напечатать.

Несколько дней спустя, Лорка спросила, слышала ли я, как вчера Витёк выступал в коридоре после отбоя? Это он тебе кричал: « Не плачь, я этого не стою».

С тех пор я проходила мимо него, опустив глаза, вся красная, как помидор. Когда Лорка завела с ним разговор обо мне, он громко, чтоб я услышала, сказал: « Она ещё маленькая, пусть подрастёт».

***

Вечерами к нам в гости приходили ребята из нашей группы, поговорить «за жизнь». Только в присутствии Вити я теряла дар речи, а с другими очень даже любила поспорить, отстаивая свою точку зрения.

– Я в выходные домой ездил. Народ недоволен Хрущёвым. Хлеб в магазинах по нормам продают, как будто военное время или голод, – сообщил Мишка, провоцируя начало спора.

– Никто, заметь, не голодает! Просто народ в деревне совсем обнаглел, покупают по пятнадцать булок хлеба, чтоб свиней им кормить. Правильно сделали, что прекратили это безобразие.

– Так ведь довели до этого народ, перестали выдавать на трудодни достаточное количество кормов.

– Просто люди хотят держать большее количество голов скота, чем выдают им для этого кормов. Им это выгодно! Государство сделало слишком низкие цены на хлеб, чтоб досыта людей накормить. А им, видите ли, выгодно дорогое мясо продавать, вырастив его на дешёвом хлебе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.